

ЗАПИСКИ
ВОСТОЧНАГО ОТДѢЛЕНІЯ
ИМПЕРАТОРСКАГО
РУССКАГО АРХЕОЛОГИЧЕСКАГО ОБЩЕСТВА

Основаны барономъ **В. Р. Розеномъ.**

ТОМЪ ВОСЕМНАДЦАТЫЙ.
1907 — 1908.

(СЪ ПРИЛОЖЕНІЕМЪ ЧЕТЫРЕХЪ ТАБЛИЦЪ И ОДНОГО ПОРТРЕТА).

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
ТИПОГРАФІЯ ИМПЕРАТОРСКОЙ АКАДЕМІИ НАУКЪ.
Вас. Остр., 9 лин., № 12.
1908.

КРИТИКА И БИБЛИОГРАФІЯ.

345. Справочная книжка Самаркандской области. 1906 г. Изданіе Самаркандскаго областного Статистическаго Комитета. Подъ редакціей И. д. Секретаря Статистическаго Комитета М. Вирскаго. Выпускъ VIII. Самаркандъ 1906. 354 стр. 8°. Выпускъ IX. Самаркандъ 1907. 212 стр. 8°.

Статистическій Комитетъ Самаркандской области продолжаетъ свою полезную дѣятельность, на которую мы уже обращали вниманіе читателей «Записокъ». ¹⁾ 8-й выпускъ «Справочной книжки» заключаетъ въ себѣ слѣдующія статьи: «Чапкулукская волость Ходжентскаго уѣзда» Н. С. Лыкошина; «Кандія Малая» В. Л. Вяткина; «Гури-эмиръ» его же (библиографическая замѣтка); «Самаркандская область по переписи 1897 года» М. М. Вирскаго.

Первая статья представляетъ «опытъ изслѣдованія экономическихъ условій жизни» въ Чапкулукской волости, съ которыми авторъ имѣлъ возможность подробно ознакомиться въ 1903 — 4 гг., въ качествѣ комиссара поземельно-податной комиссіи. Примѣрная схема подобныхъ «изслѣдованій» была выработана еще въ 90-хъ годахъ минушаго вѣка и впервые примѣнена Н. М. Вирскимъ къ Дюрткульской волости Самаркандскаго уѣзда; по той же схемѣ, безъ всякихъ измѣненій, составлены всѣ описанія отдѣльныхъ волостей области, въ томъ числѣ и статья Н. С. Лыкошина (всѣ заголовки отдѣловъ буквально совпадаютъ съ соотвѣтствующими заголовками статьи Н. М. Вирскаго). Мы здѣсь не будемъ касаться вопроса о степени удовлетворительности самой схемы и въ особенности о степени достовѣрности собранныхъ въ такихъ статьяхъ статистическихъ данныхъ,

1) З. В. О. XII, 0122—0125; XV, 050—056.

такъ какъ эти вопросы могутъ быть разрѣшены только лицами, основательно изучившими мѣстныя условія. Мѣстная интеллигенція и официальныя сферы въ началѣ привѣтствовали появленіе «Опыта изслѣдованія Дюрткульской волости», какъ начало «новой эры», вносящей «условіе сознательности въ дѣятельность мѣстныхъ властей»¹⁾; въ послѣдствіи было обращено вниманіе на условность многихъ статистическихъ данныхъ и на шаткость выводовъ, полученныхъ при сопоставленіи такихъ цифръ. По мѣрѣ накопленія опыта, какъ и слѣдовало ожидать, выяснялась необходимость иного отношенія къ разспроснымъ свѣдѣніямъ; въ статьѣ Н. С. Лыкошина ссылки на такія указанія опыта встрѣчаются въ нѣсколькихъ мѣстахъ (стр. 22 и слѣд., 65 и друг.). Во всякомъ случаѣ подробныя описанія мелкихъ административныхъ единицъ, особенно когда они состояются такими знатоками края, какъ Н. С. Лыкошинъ, доставляютъ цѣнный матеріалъ для будущаго научнаго описанія всего края.

В. Л. Вяткинъ на этотъ разъ даетъ намъ давно обѣщанный комитетомъ²⁾ переводъ «Малой Кандіи»³⁾, очень распространеннаго среди туземцевъ сочиненія по исторіи Самарканда. Какъ большая часть мусульманскихъ сочиненій, посвященныхъ исторіи отдѣльныхъ городовъ, «Кандія» является произведеніемъ не столько исторической, сколько богословской, собственно агіологической литературы. О политической исторіи города, о смѣнѣ завоевателей и правителей сообщаются только краткія, отрывочныя и большею частью легендарныя свѣдѣнія; болѣе подробно авторъ останавливается на приписанныхъ пророку и его сподвижникамъ отзывахъ о Самаркандѣ и его жителей, на житіяхъ святыхъ, происходившихъ изъ города и похороненныхъ въ немъ, съ подробнымъ перечисленіемъ ихъ могилъ и съ подробными наставленіями для желающихъ поклониться этимъ святынямъ.

Полное заглавіе «Кандіи», сохранившееся въ нѣкоторыхъ спискахъ⁴⁾, *كتاب القند في تاريخ سمرقند* «сахарная книга по исторіи Самарканда». Свѣдѣнія о происхожденіи этой книги мы находимъ только у Хаджи-Хальфы; эти свѣдѣнія, хотя и не съ достаточной полнотой⁵⁾, были приведены въ моей

1) Слова покойнаго графа П. Я. Ростовцова въ предисловіи къ работѣ Н. М. Вирскаго (Справочная книжка, вып. III, отд. III, стр. 47).

2) Справочная книжка, вып. VI, стр. 154. Ср. З. В. О. XII, 0123.

3) Необычный порядокъ словъ въ заголовкѣ статьи и на обложкѣ отдѣльныхъ оттисковъ («Кандія Малая»), вѣроятно, заставитъ многихъ читателей принять слово «Малая» за вторую часть сложнаго восточнаго заглавія.

4) В. Жуковскій, Развалины Старога Мерва, Спб. 1894, стр. 170, прим. 3.

5) Въ моей книгѣ сдѣлана ссылка только на одно мѣсто Хаджи-Хальфы (II, 183, № 2230), между тѣмъ въ другомъ мѣстѣ (IV, 571, № 9598) полнѣе приводятся какъ заглавіе сочиненія, такъ и имена автора и его ученика.

книгѣ «Туркестанъ въ эпоху монгольскаго нашествія»¹⁾, откуда они заимствованы г. Вяткинымъ. Авторомъ книги «Кандъ» былъ, по Хаджи-Хальфѣ, знаменитый ученый Неджм-ад-динъ Абу-Хафсъ Омаръ ибнъ Мухаммедъ ан-Несефи ас-Самарканди, умершій въ 537 (1142—3) г.; самая книга была продолженіемъ «исторіи Самарканда» Абу-Са'ида Абд-ар-Рахмана ибнъ Мухаммеда ал-Идриси (умеръ, по словарю Сам'ани²⁾, въ послѣдній день 405, т. е. 20 июня 1015 г.). Изъ книги Несефи сдѣлалъ извлечение его ученикъ, имамъ Абу-л-Фадль Мухаммедъ ибнъ Абд-ал-Джелиль ибнъ Абд-ал-Меликъ ибнъ Али ибнъ Хайдеръ ас-Самарканди.

Подобно «Исторіи Бухары» Нершахи, «Кандія» не дошла до насъ въ первоначальномъ видѣ, а только въ переработкѣ, несомнѣнно, гораздо болѣе поздней, чѣмъ та, которая упоминается у Хаджи-Хальфы. Является вопросъ, насколько мы по имѣющимся въ нашемъ распоряженіи спискамъ можемъ отдѣлать первоначальный текстъ если не самого Несефи, то его ученика отъ позднѣйшихъ наслоеній. В. Л. Вяткинъ, располагавшій десятью рукописями «Кандія», въ томъ числѣ однимъ спискомъ XVII в., различаетъ (стр. 237) двѣ редакціи книги, изъ которыхъ «одна начинается словами *روایت میکنند از احادیث*, а другая словами *اما بعد از حمد پروردگار*»; первая признается «болѣе распространенной и послѣдовательной». Самое сочиненіе (повидимому, въ обѣихъ редакціяхъ) «состоитъ изъ двухъ частей, причѣмъ первая часть заключается словами «тамматъ аль-китабъ»³⁾ (sic. Рец.)—конецъ книги (въ нѣкоторыхъ спискахъ)». Эта первая часть «собственно и представляетъ «Малую Кандію» (т. е. сочиненіе ученика Несефи) въ болѣе или менѣе первоначальномъ видѣ»; вторая «содержитъ легенды о мѣстномъ святомъ Нуръ-ед-динѣ Басирѣ, извѣстномъ подъ именемъ Кутби-чаардахумъ, о Ходжа Ахрарѣ и другихъ, и не заключаетъ большого интереса въ научномъ отношеніи», почему г. Вяткинъ и не включилъ этой части въ свой переводъ.

Число рукописей «Кандіи» въ Петербургѣ гораздо менѣе значительно, чѣмъ въ Самаркандѣ. Доступныя мнѣ четыре рукописи — А = рук. Аз. Муз. а₁ 574 ag (прежде aa 574 ag), В = рук. Аз. Муз. bb 574 ag, В₁ = рук. Аз. Муз. abb 574 ag и С = рук. Спб. унив. № 859—всѣ пацпаются со словъ *روایت میکنند الخ*⁴⁾, т. е. заключаютъ въ себѣ первую изъ двухъ различаемыхъ г. Вяткинымъ редакцій. А относится къ 1299 (1881—2) г.,

1) В. Бартольдъ, Туркестанъ въ эпоху монгольскаго нашествія, ч. II, стр. 16.

2) *Id.* opus, ч. I, стр. 52.

3) Среднеазиатскіе переписчики, дѣйствительно, часто писали *تمت الكتاب* вмѣсто *تم الكتاب* (эта ошибка находится и въ рукописи Аз. муз. а₁ 574 ag, f. 88 a).

4) Въ А этимъ словамъ только предшествуетъ заголовокъ: *در بیان کتاب قندیه*.

В къ 1281 (1864 — 5) г., С къ 1284 (1867 — 8) г.; В₁ не имѣетъ даты, но, судя по почерку, и эта рукопись—не изъ старыхъ. Тексту, положенному въ основу перевода г. Вяткина, болѣе всего соотвѣтствуетъ текстъ А; такъ, изъ петербургскихъ списковъ только въ А находится ссылка на «шейха Неджм-ад-дина Омара Несефи, учителя духовъ и людей» (f. 14 а, у г. Вяткина стр. 242)¹⁾, и только въ А говорится о «десяти султанахъ, бывшихъ на нашей памяти» (f. 25 а, у г. Вяткина стр. 253).

Ни въ одномъ изъ петербургскихъ экземпляровъ нѣтъ разграниченія между первой и второй частями; едва ли эта граница вообще можетъ быть проведена такъ рѣзко, какъ полагаетъ г. Вяткинъ. Въ первой изъ двухъ различаемыхъ имъ частей, наряду съ извѣстиями, несомнѣнно относящимися къ эпохѣ до монгольскаго погрома 1220 г., есть извѣстия, указывающія на болѣе поздній періодъ; съ другой стороны, и во второй части сохранились нѣкоторые рассказы, извлеченные изъ первоначальной «Кандіи» и совершенно не соотвѣтствующіе эпохѣ упоминаемыхъ въ этой части Тимура, Улугъ-бека и ходжи Ахрара.

Если какая-нибудь часть дошедшей до насъ версіи вообще передаетъ текстъ «Малой Кандіи» (т. е. сочиненія ученика Несефи) «въ болѣе или менѣе первоначальномъ видѣ», то таковой, по моему мнѣнію, можетъ быть признанъ не весь текстъ, переведенный г. Вяткинымъ, а только первая половина его (стр. 238—257). Въ такомъ случаѣ приходится, однако, предположить, что ученикъ Несефи сдѣлалъ извлеченіе не только изъ книги своего учителя, но и изъ «Исторіи Самарканда» Идриси, продолженіемъ которой, по словамъ Хаджи-Хальфы, было сочиненіе Несефи. «Исторія Самарканда» (تاریخ سمرقند) цитируется наряду со словами «автора Кандіи» (مؤلف) (قندیه), см. въ переводѣ г. Вяткина стр. 242, 249 и 250; нѣтъ никакихъ признаковъ, которые бы заставляли признать «Малую Кандію» продолженіемъ другого труда. Говорится почти исключительно о событіяхъ исторіи Самарканда до ислама и въ первыя времена мусульманскаго господства; нѣтъ никакихъ указаній на событія XI и XII вв.; только слова о наградахъ, ожидающихъ на этомъ и на томъ свѣтѣ справедливаго правителя, «хотя бы онъ пребывалъ въ ложной вѣрѣ»²⁾ (стр. 254), показываютъ, что авторъ

1) Въ В (f. 112b), В₁ (f. 6a—6b) и С (р. 8) то же самое извѣстіе сообщается со словъ وهب بن منبه, извѣстнаго автора I в. хиджры, умершаго въ 110 (728) г., см. С. Brockelmann, Geschichte der Arabischen Litteratur, I, 64—65. Первоначальнымъ текстомъ «Кандіи» въ этомъ случаѣ скорѣе можно признать текстъ В, В₁ и С, чѣмъ текстъ А и текстъ, переведенный В. Л. Вяткинымъ. Трудно предположить, чтобы имя Вахба могло быть вставлено позднѣйшими переписчиками вмѣсто имени Несефи.

2) Въ подлинникѣ (С р. 25) اكر چندی خلاف دين باشد (A f. 25a خلاف دين اكرچه خلاف دين B₁ f. 15a); въ В здѣсь пропускъ.

писалъ въ эпоху подчиненія мусульманъ иновѣрцамъ, т. е. послѣ 1141 г. На эпоху до погрома 1220 г. особенно ясно указываетъ подробный и интересный разсказъ объ условіяхъ орошенія въ Самаркандѣ (стр. 252—253), гдѣ говорится о «свинцовомъ капалѣ» (Джу-и-арзизъ) и «каналахъ шахристана», т. е. о сооруженіи, посредствомъ котораго была проведена вода на площадь нынѣшняго городища Афрасиабъ, опустѣвшаго вслѣдствіе уничтоженія «свинцоваго канала» монголами¹⁾. Изъ литературныхъ источниковъ, кромѣ сочиненій Идриси и Несефи, цитуются еще (стр. 241) «разсказы нишапурцевъ» (قصص نیشابوریان) — по мнѣнію г. Вяткина (стр. 289) «Исторія Нишапура» Абу-Абдаллаха ал-Бейи* (умеръ въ 1014 г.)²⁾ и какое-то неизвѣстное сочиненіе معارف البیان³⁾ или بیان المعاری⁴⁾; наконецъ, встрѣчаются неопредѣленные ссылки на какія то «извѣстія» اخبار, иногда въ ед. числѣ خبر).

Болѣе сомнительна принадлежность ученику Несефи второй половины переведеннаго В. Л. Вяткинымъ текста (стр. 257—276). По содержанію и характеру изложенія, эта часть мало отличается отъ второй части «Кандиш»; говорится исключительно о могилахъ мѣстныхъ святыхъ, обрядахъ поклоненія этимъ могиламъ и чертахъ жизни погребенныхъ въ нихъ подвижниковъ. Изъ событій XII в. разсказывается (стр. 274—275) о смерти шейха Абу-Юсуфа Хамадани, послѣдовавшей 26 или 28 мухаррема 535, т. е. 11—13 сентября 1140 г.⁵⁾ Разсказъ передается со словъ ученика шейха, Абд-ал-Халика Гудждувани, но подробности его настолько фантастичны, что трудно вѣрить въ возможность распространенія такого разсказа въ эпоху, близкую ко времени жизни самого святого. Упоминается также (стр. 265) о «мученикахъ за вѣру въ степи Катванъ», т. е. о павшихъ во время извѣстной битвы 5 савара 536 (9 сентября 1141) г.⁶⁾, причемъ могилы этихъ мучениковъ, какъ и теперь⁷⁾, помѣщались на кладбищѣ Джакардиза, на берегу арыка Машатъ (مشهد). Мы знаемъ, однако,

1) Ср. Туркестанъ въ эпоху монгольскаго нашествія, ч. II, стр. 445.

2) Id. opus, ч. II, стр. 17.

3) Такъ у г. Вяткина стр. 241. A f. 13a معارف البستان. Въ B (f. 111b), B₁ (f. 3b) и C (f. 6) заглавія сочиненія въ этомъ мѣстѣ нѣтъ.

4) Такъ C p. 9; B₁ f. 7a كتاب معارف; въ A f. 14b, B f. 113a и въ переводѣ г. Вяткина стр. 242 («разсказываютъ») безъ названія сочиненія.

5) В. Жуковскій, Развалины Старога Мерва, стр. 171 (26-го мухаррема); по переводу г. Вяткина (стр. 274) 28-го; также A f. 46b; по B₁ (f. 30b) и C (p. 60) четвергъ 26-го [въ В биографіи этого шейха нѣтъ]. Если этотъ день былъ четвергомъ, то рѣчь можетъ идти только о днѣ 12-го сентября.

6) Ср. З. В. О. XII, 0125.

7) Самарія, изд. П. И. Веселовскаго (Спб. 1904), стр. 11. Ср. переводъ этого мѣста у г. Вяткина, Справ. книжка, вып. VI, стр. 166, примѣчаніе ibid. стр. 229 и мое замѣчаніе З. В. О. XII, 0124.

что при Сам'ани, бывшемъ здѣсь въ 550 и 551 (1155—6) гг., могилы мучениковъ показывались, какъ и слѣдовало ожидать, на самомъ мѣстѣ битвы; самъ Сам'ани ѣздилъ туда поклониться имъ и провелъ тамъ двѣ ночи¹⁾. Ссылки на литературные источники и въ этомъ случаѣ не даютъ ключа къ опредѣленію времени, когда писалъ авторъ. На стр. 259 приводится цитата²⁾ изъ известнаго сочиненія Газали (+ 505 = 1111 г.) «Оживленіе наукъ вѣры» (احياء علوم الدين); тамъ же находится ссылка на *روایت القنبية* (вѣроятно, имѣется въ виду какой-нибудь сборникъ по фикху, заглавіе котораго начиналось словомъ «кунья»,³⁾ т. е. «достаточное») и на какой-то комментарий (شرح) къ известному «Небольшому сборнику» (*الجامع الصغير*) Мухаммеда ибнъ Хасана аш-Шейбани (+ 189 = 204 г.); одинъ изъ комментариевъ къ этому сочиненію (стихотворный) принадлежитъ Неджмаддину Несефи, автору первоначальной «Кандіи»⁴⁾.

Трудно также согласиться съ тѣмъ, чтобы вторая часть «Кандіи» вовсе не заслуживала перевода; что она не лишена научнаго интереса, доказывается уже тѣмъ, что самъ В. Л. Вяткинъ не разъ ссылается на нее въ примѣчаніяхъ къ своему переводу (стр. 279 и 286). Едва ли эта часть можетъ быть признана произведеніемъ одного автора и одной эпохи. Упоминаніе Гимура, Улугъ-бека и въ особенности ходжи Ахрара (+ 895 = 1489—90 гг.) показываетъ, что авторъ писалъ не ранѣе конца XV в.; съ другой стороны приводятся, безъ измѣненія и безъ указанія на несоотвѣтствіе данной эпохѣ, сообщенія первоначальнаго текста «Кандіи» (на зависимость отъ этого текста указываютъ и ссылки на «Большую Кандію»⁵⁾). Такъ, слова первой части (у г. Вяткина стр. 250) о «существующей теперь» соборной мечети, построенной (будто бы) при халифѣ Османѣ на мѣстѣ бывшаго здѣсь раньше капища идоловъ, повторены и во второй⁶⁾ безъ всякихъ оговорокъ, хотя этой мечети въ XV в., конечно, уже не было, а были другія мечети,

1) Туркестанъ въ эпоху монгольскаго нашествія, ч. I, стр. 64.

2) Соответствующее мѣсто въ каирскомъ изданіи 1302 г. х. находится на стр. 445 4-го тома.

3) Обыкновенное названіе компендіумовъ; ср. рядъ такихъ заглавій у Хаджи-Хальфы, IV, 571—572.

4) C. Brockelmann, Geschichte der Arabischen Litteratur, Bd. I, S. 172.

5) Въ С *قندیة کبیر* два раза: р. 94 и 97. Въ А только f. 63b; f. 65 а только *کتاب القندیة*. Въ В₁ f. 40b только *قندیة*.

6) Именно въ В (f. 133b—134a) и въ С (р. 121—122). Изъ текста В (f. 128b) можно заключить, что соборная мечеть, которую имѣлъ въ виду авторъ, находилась въ сѣверной части нынѣшняго города близъ *رباط غازيان*, какъ показываютъ слова: *آورده اند که بر لب جوی مسجدیست که در پهلوئی دروازۀ غازیان بمسجد جامع که آمده اند برآن مسجد کشیده اند*. Эткихъ словъ, однако, нѣтъ ни въ трехъ другихъ петербургскихъ спискахъ (ср. А. f. 35a, В₁ f. 22a, С р. 39), ни въ текстѣ, переведенномъ г. Вяткинымъ (стр. 263).

построенныя при Тимурѣ и Улугъ-бекѣ, о которыхъ въ «Кандіи» нѣтъ ни слова. Встрѣчаются повторенія; такъ, рассказъ о смѣльчакѣ, спустившемся, по приказанію Тимура, въ колодець къ Шахъ-зиндѣ, приводится въ С дважды, въ первый разъ кратко, съ указаніемъ на извѣстность рассказа, во второй разъ подробно¹⁾. Часто встрѣчаются ссылки на слова Сейидъ-Ахмеда, сына Миръ-Вели, который иногда называется «авторомъ» (مصنف), т. е., повидимому, авторомъ настоящей книги; онъ писалъ во всякомъ случаѣ не ранѣе конца XV в., такъ какъ ссылается на Абд-ар-Рахмана Джами (+ 898 = 1492 г.)²⁾. Упоминаемая В. Л. Вяткинымъ легенда «о мѣстномъ святомъ Нуръ-ед-динѣ Басирѣ, извѣстномъ подъ именемъ Кутби-чаардахумъ», въ С представляетъ самостоятельное цѣлое, совершенно обособленное отъ остального текста «Кандіи», носящее особое заглавіе *بسم الله الرحمن الرحيم رسالة حضرت قطب الأقطاب الرحيم*. Имя автора этой рисале — *أبو الحسن بن خواجه سيف الدين*³⁾.

Кромѣ небольшого числа пояснительныхъ примѣчаній, не всегда удачныхъ⁴⁾, г. Вяткинъ даетъ намъ (стр. 277—288) довольно подробное изслѣдованіе объ исторической топографіи города, на основаніи современныхъ условий, извѣстій арабскихъ географовъ, приведенныхъ въ моей книгѣ «Туркестанъ въ эпоху монгольскаго нашествія», извѣстій «Кандіи» и результатовъ раскопокъ, произведенныхъ въ 1904 и 1905 гг. на мѣстѣ городища Афрасиабъ В. Л. Вяткинымъ и мною. Особо ценными представляются замѣчанія объ условіяхъ орошенія въ Самаркандѣ въ средніе вѣка и теперь; результатомъ такого сопоставленія, какъ и всѣхъ изслѣдованій, въ которыхъ приняты во вниманіе письменные источники, является выводъ, что «съ этой стороны за тысячелѣтіе почти не произошло перемѣнъ» (стр. 288). Труднѣе согласиться съ взглядами г. Вяткина на историческую топографію самаго города. Г. Вяткинъ полагаетъ, 1) что всѣ обнаруженные при раскопкахъ остатки мечети, въ томъ числѣ и открытый мною «большой камелпый столбъ» (по мнѣнію г. Вяткина — основаніе ми-

1) С р. 66—67 и 137—157. Этого подробнаго рассказа (также В f. 143a—155 a) нѣтъ ни въ А, ни В; онъ мало отличается отъ преданія, рассказаннаго г. Вяткинымъ въ другомъ мѣстѣ (Справочная книжка, вып. V, стр. 230—240) со словъ таджика Мирза-Наима.

2) А f. 54a, 55a, 68a; С р. 79 и 105.

3) С р. 161—162; на то же лицо ссылка В f. 159a. Въ В₁ этой рисале нѣтъ; въ А отрывки изъ нея (начиная съ л. 69 a) не отдѣляются отъ текста «Кандіи»; нѣтъ ни начала, ни имени автора. Послѣ этихъ отрывковъ снова идетъ текстъ «Кандіи»; въ концѣ (f. 88b—96a) помѣщена другая рисале *ذکر مزار خواجه کعب الاخبار در بخاراى شریف*.

4) Напр. на стр. 290 сказано, что «хариджиды (sic) — послѣдователи зароастризма въ исламѣ». На стр. 289 дѣлаются безполезныя попытки сблизить съ историческими лицами и фактами легендарныхъ героевъ (какъ «Хузайму», въ текстѣ *خزيمه، خزيمه، حزيمه* и *هزيمه*) и фантастическія даты «Кандіи».

нарета), принадлежать къ зданію, построенному хорезмшахомъ Мухаммедомъ и разрушенному Чингизь-ханомъ (стр. 281 и слѣд.); 2) что упоминаемыя въ разсказѣ Джувейни ворота Намазгахъ «были въ стѣнѣ Афрасіаба» и что, вообще, «городъ» Самаркандъ пачала XIII в. тожественъ съ Афрасіабомъ или съ «шахристаномъ» X в. Противъ перваго мнѣнія можно возразить, что открытый мною столбъ, какъ показываетъ надпись «Ихшидъ» и другія кувическія надписи на кирпичахъ, не могъ быть выстроенъ позже X в.¹⁾; если онъ былъ основаніемъ минарета, то минареть, а слѣдовательно и мечеть были здѣсь еще при Саманидахъ. Очень вѣроятно, что найденные при раскопкахъ въ верхнемъ слоѣ кирпичи съ изразцами относятся къ зданію XIII в. (приготавливались ли вообще изразцы въ X в., остается недоказаннымъ); по мѣстоположенію соборной мечети отъ арабскаго завоеванія до монгольскаго нашествія, повидимому, не измѣнилось, и въ этомъ отношеніи разсказъ «Кандія» можетъ быть признанъ соотвѣтствующимъ истинѣ. Съ другой стороны, самый «городъ» успѣлъ перемѣститься на югъ еще до нашествія монголовъ; то, что въ X в. было «шахристаномъ», ко времени монгольскаго погрома оставалось только «крѣпостью». Мы знаемъ, что уже въ X в. самой населенной частью Самарканда былъ не шахристанъ, а кварталъ непосредственно къ югу отъ него, т. е. сѣверная часть пышнѣшаго города²⁾. Въ половинѣ XII в., во время путешествія Сам'ани, кварталъ Гагифаръ (собств. Гатфаръ)³⁾, примыкающій съ сѣверо-запада къ построенной Тимуромъ цитадели, находился уже «въ самомъ городѣ» (في نفس البلد), а не въ предмѣстьяхъ, окруженныхъ внѣшней стѣной (في الحائط), какъ, напр., кварталъ Матуриды⁴⁾. Изъ этого видно, что въ то время «городъ» въ собственномъ смыслѣ уже находился къ югу отъ Афрасіаба. По разсказу Джувейни⁵⁾ монголы черезъ ворота Намазгахъ вошли въ городъ, заняли его и вывели жителей въ поле; только послѣ этого начались дѣйствія противъ крѣпости (حصار или حذر); гарнизонъ не рѣшался ни оказать сопротивленіе, ни бѣжать (نه روی قرار و نه پشت فرار); монголы окружили крѣпость со всѣхъ сторонъ, разрушили стѣны ея и «свищовый каналъ» и проложили собѣ путь черезъ ворота; послѣдніе защитники, въ числѣ 1000 человекъ, пскали убѣжища въ соборной мечети, которая и была сожжена со всѣми находившимися въ ней. Такой порядокъ изложенія событій ясно показываетъ, что разрушеніе

1) З. В. О. XVI, р. XXXV. Извѣстія Русскаго Комитета для изученія Средней и Восточной Азіи, № 4, стр. 23.

2) Bibl. Geogr. Arab. I, 317, II, 366.

3) Туркестанъ въ эпоху монгольскаго нашествія, ч. II, стр. 522.

4) Туркестанъ въ эпоху монгольскаго нашествія, ч. I, стр. 63 и 66.

5) Персидскій текстъ изданъ въ христоматіи Шефера, t. II, р. 134. Ср. также Туркестанъ въ эпоху монгольскаго нашествія, ч. II, стр. 445.

«свинцового канала» (по которому въ X в. проходила вода въ шахристанъ) находилось въ связи съ осадой «крѣпости», а не «города», т. е. что шахристанъ X в. сохранялъ въ XIII в. только значеніе крѣпости, хотя въ немъ по традиціи оставалась соборная мечеть—можетъ быть, не единственная въ Самаркандѣ того времени.

Переводъ, даже независимо отъ вопросовъ критики текста, также не свободенъ отъ ошибокъ. На стр. 255, какъ показываетъ контекстъ, говорится о поклоненіи государей не могиламъ «знающихъ коранъ лицъ», жившихъ при Исмаилѣ, а могилѣ самого Исмаила¹⁾. Произносившій привѣтствіе «обитателямъ могилъ», очевидно, не могъ обращаться къ тѣмъ, «которые отойдутъ послѣ» (стр. 259), т. е. къ живымъ; въ подлинникѣ употреблено извѣстное выраженіе *المقَدِّمِينَ وَالتَّأخِّرِينَ* «людямъ болѣе отдаленнаго и недавняго прошлаго»²⁾.

Этими замѣчаніями, конечно, не умаляются достоинства перевода и комментарія В. Л. Вяткина, во всякомъ случаѣ заслуживающихъ благодарности. Что касается «библиографической замѣтки» того же автора, то она посвящена изданію, уже отмѣченному на страницахъ «Записокъ» (XVII, 0181—0184). В. Л. Вяткинъ возражаетъ противъ мнѣнія, высказаннаго въ предисловіи къ этому изданію Н. И. Веселовскимъ, по которому Тимуръ строилъ не усыпальницу, а мечеть, уже потомъ, помимо воли самого строителя, сдѣлавшуюся мѣстомъ погребенія самого Тимура и нѣкоторыхъ изъ его потомковъ. Доводы г. Вяткина, во всякомъ случаѣ, заслуживаютъ вниманія, не смотря на нѣкоторыя фактическія ошибки, допущенныя имъ. Невѣрно, что сочиненіе Шереф-ад-дина Іезди было написано «спустя менѣе десяти лѣтъ послѣ смерти» Тимура (стр. 296); въ дѣйствительности отъ смерти Тимура (807=1405 г.) до составленія Зафаръ-намэ (828=1425 г.)³⁾ прошло двадцать лѣтъ. Невѣрно, что Тимуръ умеръ 10-го ша'бана 807 (11 февраля 1405 г.) (стр. 297); по Шереф-ад-дину⁴⁾ и Ибнъ - Арабшаху⁵⁾ смерть Тимура послѣдовала въ среду 17-го ша'бана (18-го февраля), по надписи на гробницѣ⁶⁾—14-го ша'бана (15-го февраля). Трудно допустить, чтобы Клавихо могъ назвать такое величественное зданіе,

1) Такъ во всѣхъ четырехъ петербургскихъ спискахъ (A f. 26b, B f. 123b, B₁ f. 16a, C p. 27).

2) A f. 30b, B₁ f. 19b, C p. 33 (въ B этого мѣста нѣтъ).

3) Rieu, Catalogue, I, p. 174a (по *حبيب السیر*). Изъ введенія (*مقدمه*) къ Зафаръ-намэ видно, что сочиненіе было начато въ 822 (1419) г. (*ibid.* p. 174b).

4) Zafar-Namah, калк. изд., II, 661.

5) Ahmedis Arabiadae vitae Timuri historia, ed Manger, II, 494.

6) Справ. книжка Самарк. обл., вып. IV, отд. IV, стр. 4. E. Blochet, Les inscriptions de Samarkand, Paris 1897, p. 9—10 (=Revue Archéologique 1897, I, 73—74).

как Гури-эмиръ, часовой (сарилла)¹⁾. Если Гури-эмиръ «нигдѣ въ туземной литературѣ не называется мечетью» (стр. 293 — 294), то остается фактъ, что Бабуръ считалъ то зданіе, гдѣ въ его время находились гробницы²⁾ Тимура и его потомковъ (т. е. Гури-эмиръ), тожественнымъ съ медресе Мухаммедъ-Султана.

Въ послѣдней статьѣ 8-го выпуска, принадлежащей М. М. Вирскому, сдѣлана попытка воспользоваться данными переписи 1897 года, какъ матеріаломъ для выясненія этнографическаго состава населенія, экономическихъ условій его жизни и степени его культурнаго уровня. Данные переписи были обнародованы только въ 1905 г., когда они уже успѣли въ значительной степени устарѣть; тѣмъ не менѣе за ними признается «серьезный научный и практический интересъ» (стр. 303). Приведенныя въ статьѣ цифры доказываютъ, однако, совершенно обратное; перепись была произведена съ такимъ отсутствіемъ системы, съ примѣненіемъ такой неясной и запутанной терминологіи, что результаты ея могутъ представлять только «практический» интересъ, въ смыслѣ урока на будущее время. Г. Вирскій самъ отмѣчаетъ одинъ фактъ, опровергающій цифры переписи, хотя въ своемъ возраженіи дѣлаетъ новую ошибку. По его мнѣнію, среди проживающихъ въ области буддистовъ и ламайтовъ, вопреки переписи, не могло быть женщинъ, такъ какъ всѣ ламайты — калмыки изъ уральскихъ строевыхъ казаковъ³⁾, а «изъ числа проживающихъ въ Самаркандской области буддистовъ (пешаверскихъ индусовъ — торговцевъ и ростовщиковъ) ни при одномъ не было и теперь нѣтъ лицъ женскаго пола» (стр. 319). Пришельцы изъ Пешавера, конечно, не были буддистами; еслъ указаніе г. Вирскаго справедливо, то оно должно быть направлено не противъ числа буддистовъ, а противъ числа жителей, говорившихъ на «индусскомъ» языкѣ: 25 мужчинъ и 16 женщинъ (стр. 320). Въ таблцѣ о распредѣленіи населенія по родному языку встрѣчаются, однако, гораздо болѣе существенныя несообразности, совершенно не замѣаемыя авторомъ статьи. Среди языковъ турецко-татарской группы приводятся языки татарскій, башкирскій, чувашскій, турецкій, киргизъ-кайсацскій (sic), саргскій, узбекскій, таранчинскій и тюрк-

1) Клавихо, Жизнь и дѣянія великаго Тамерлана, переводъ подъ редакціею И. И. Срезневскаго, стр. 314 (Сборн. отд. русск. яз. и слов. Имп. Акад. Наукъ, т. XXVIII, № 1).

2) Въ изданіи Ильминскаго (стр. 57) по ошибкѣ قیزی вм. قمبری, оттого невѣрный переводъ у г. Вяткина въ Справ. книжкѣ, т. IV, отд. 4, стр. 33. Ошибка исправлена у Blochet, opus cit., p. 24; правильное чтеніе въ Хайдерабадской рукописи, изд. A. S. Beveridge (The Babar-Nāma, Leyden 1905, f. 46a).

3) Однако по переписи монгольскій языкъ (въ отличіе отъ «монголо-бурятскаго», на которомъ говорили только 8 мужчинъ) былъ роднымъ языкомъ для одного мужчины и шести женщинъ (стр. 322).

скій (стр. 322). По какимъ признакамъ производившіе перепись отличали узбекскій языкъ отъ сартскаго и какой языкъ имѣется въ виду подъ названіемъ «тюркскаго», на которомъ будто бы говоритъ до 20000 душъ обоого пола, на эти вопросы едва ли могъ бы быть данъ отвѣтъ. М. М. Вирскій серьезно сопоставляетъ цифры, указывающія на распространеніе каждаго изъ «четыреухъ языковъ» — узбекскаго, тюркскаго, киргизь-кайсакаскаго и сартскаго; «знающаго одинъ изъ четыреухъ языковъ» пойметъ, по его словамъ, «большинство населенія»; важнѣе всего знаніе языка «сартскаго, какъ ассимилирующаго всѣ языки этой группы, за исключеніемъ русскаго» (стр. 324)¹⁾. Не объясняется, какимъ образомъ «сартскій» языкъ, на которомъ по переписи говорятъ всего 2% населенія, можетъ «ассимилировать» такіе языки, какъ «узбекскій», на которомъ говорятъ 59%. Крайне желательно, чтобы на будущее время перепись населенія по языкамъ производилась при участіи знающихъ эти языки мѣстныхъ дѣятелей, съ примѣненіемъ заранѣе выработанной, ясной и точной терминологіи.

9-ый выпускъ изданія посвященъ почти исключительно статьямъ о культурѣ риса и о пчеловодствѣ; для ориенталистовъ представляетъ интересъ только статья Н. С. Лыкошина «О гаданіи у среднеазиатскихъ туземцевъ» (стр. 163—212). Кромѣ своихъ личныхъ наблюденій (въ Ташкентѣ, Чимкентѣ и въ селеніи Дальянь Ходжентскаго уѣзда) авторъ пользуется «туземной на персидскомъ языкѣ энциклопедіей» Матла'-ал-Улюмъ. Имя автора энциклопедіи не приводится; изъ его предисловія видно, что онъ получилъ свои свѣдѣнія въ Индіи, отъ астролога Рази-д-динъ-ханъ-Богадура въ Лакнау и отъ Мавляви - Мухаммедъ - Ахсана въ Фаррухабадѣ. Характерны заключительныя слова предисловія (стр. 178): «Но, слава Богу, хотя онъ (авторъ) и изучилъ науку гаданія, но самъ въ нее не повѣрилъ; только для того, чтобы объяснить читателямъ и быть имъ полезнымъ, онъ рѣшается сообщить нѣкоторыя свѣдѣнія объ этой наукѣ». Особый отдѣлъ посвященъ наукѣ «джафръ» (см. о ней З. В. О. XVIII, 187 и слѣд.), которой авторъ обучался у другихъ учителей, сначала на родинѣ, потомъ въ Лакнау.

В. Б.

346. Туркестанскій сборникъ сочиненій и статей, относящихся до Средней Азіи вообще и Туркестанскаго края въ особенности. 34 тома за 1907 годъ (т. 417—450).

1) Последнія слова показываютъ, что имѣется въ виду не лингвистическая турецко-татарская группа, а «группа» шести наиболѣе распространенныхъ въ области языковъ: узбекскаго, таджикскаго, киргизь-кайсакаскаго, тюркскаго, сартскаго и русскаго.